

Юлия Валиева

Письмо Михаила Ерёмкина Льву Лосеву о Пастернаке¹

Iuliia Valieva

A letter of Mikhail Yeryomin to Lev Loseff about Pasternak

Юлия Мелисовна Валиева (Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры истории русской литературы; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского; кандидат филологических наук) jouliali@gmail.com.

Iuliia Melisovna Valieva (PhD; Associate Professor, Department of History of Russian Literature, Saint Petersburg State University; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky) jouliali@gmail.com.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, мемуары, публикация, архивный материал

Key words: epistolary genre, memoirs, publication, archival document

УДК: 821.161.1+82-155

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_211

UDC: 821.161.1+82-155

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_211

В статье впервые полностью публикуется письмо М.Ф. Ерёмкина к Л. Лосеву в США 1991 года, содержащее его воспоминания о Борисе Пастернаке. Отмечается жанрово-стилистическое своеобразие текста Ерёмкина и его историко-литературная ценность. Публикация сопровождается филологическим и реальным комментарием.

The article introduces a letter from Mikhail Yeryomin to Lev Loseff, containing the poet's memoirs about Boris Pasternak. The publication outlines its genre and stylistic features, and gives both real and philological commentary to the text.

Слово Михаила Ерёмкина о Б. Пастернаке было впервые опубликовано в материалах «Норвичских симпозиумов по русской литературе и культуре...» в составе очерка Льва Лосева «29 января 1956 года» с предисловием: «Я просил его написать воспоминания для настоящего сборника. Это не получилось, но я с разрешения автора процитирую отрывок из недавнего письма Ерёмкина, как мне кажется, очень выразительный» [Лосев 1991: 277].

Письмо М. Ерёмкина, фрагмент из которого приводит Лев Лосев, напечатано на пишущей машинке, на двух листах формата А4. Оно начинается с обращения к нему и его жене: «Дорогие Нина и Леша²!», занимает три страницы, не датировано; на четвертой — «вдогонку» — еще одно послание тем же адресатам от 27 мая 1991 года³. Что существенно, мемуарная миниатюра о Пастернаке помещена автором не «вложением» и не на отдельной странице, а ин-

-
- 1 Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01177, <https://rscf.ru/project/24-28-01177/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.
  - 2 Алексей Лосев, наряду с Лев Лосев, — псевдонимы Льва Владимировича Лосева (наст. Лифшица; 1937—2009). Между собой участники «филологической школы» называли Лосева Лешей.
  - 3 Благодарю Ираиду Дмитриевну Смирнову за предоставление копии письма из домашнего архива Ерёмкиных.

корпорирована в текст письма, что дает основание предположить, что двойное письмо было задумано как единое целое.

При внимательном его прочтении становится очевидно, что перед нами мастерски выстроенный текст, оригинальный в жанровом отношении: написанный ритмической прозой, он сочетает в себе черты элегического послания «другу стихотворцу», автобиографической прозы поэта (в традиции Б. Пастернака, А. Белого), зарисовки in memo (в контексте художественных переводов М. Ерёмкина) и смехового квазижанра письма (в духе Д. Хармса). В основу его композиции положен принцип антитезы: соединение литературного и «житейского», элегического и иронического, биографического и интертекстуального, мемориального и текста «по случаю».

Тема первого послания — поэзия; помимо миниатюры о Пастернаке, оно содержит приглашение к сотрудничеству в новом издательстве и пожелания адресату к скорому дню рождения. Второе послание — «бытописательное», о «прозе жизни», его тема — возвращение автора в Ленинград после почти двух десятилетий отсутствия (поездок по Средней Азии, жизни в Москве). В историко-культурном аспекте это письмо не менее примечательно: оно было написано в конце мая 1991 года, за несколько месяцев до возвращения городу его исторического имени, и фиксирует момент сцепления «бывшего» и грядущего («Посылаемое тебе мы с Алешей частично нашли на барахолке — б. Октябрьский колхозный рынок»). Этот год стал вехой не только в житейской, но и в творческой биографии Ерёмкина: вышла его первая на родине книга стихов [Ерёмкин 1991]. В своем соединении литературная и житейская части дают в ретроспекции быстрый и в то же время панорамный взгляд поэта на пройденный им путь.

Очевидно, что полный текст этого личного письма на тот момент не предназначался для публикации (тем более в сборнике статей симпозиума), однако остается вопрос, почему миниатюра Ерёмкина, в отличие от воспоминаний его друзей, не была дана отдельной публикацией? Предполагаю, что ключ к этому — в самом замысле автора письма «замаскировать» свой текст о Пастернаке под подарок Лосеву ко дню рождения. Во-первых, это соответствовало игровой установке «филологической школы» (достаточно вспомнить о смеховом «обмене» авторством стихотворения «Лесник» М. Красильникова), принятой ими от поэтики обэриутов. Во-вторых, подразумевало, что решение о том, достоин ли его мемуар обнародования, Ерёмкин передает Лосеву, издавшему пятью годами ранее в США со своим послесловием его сборник «Стихотворения», судившему по гамбургскому счету, — другу, с которым они были знакомы с осени 1954 года (с 1-го курса Ленинградского университета). Лосев, разместив текст Ерёмкина в составе своей статьи, тем самым обыграл получение им подарка и «прикрыл» друга своим именем от возможной критики.

Миниатюре о Пастернаке предшествует зачин: [1]⁴ «Именно то, что в течение всего двух месяцев я мог *дважды*⁵ побывать у вас — самое тоскливое теперь, когда, как и год назад, опять наша встреча маловероятна». Открываясь инверсией, это предложение вводит сопоставление и противопоставление разновременных событий: «Именно то, что... — самое тоскливое теперь,

4 Для удобства анализа строки-строфы послания Ерёмкина нами пронумерованы. В квадратных скобках перед цитатой указывается ее номер.

5 Слово «дважды» дано в оригинале разрядкой.

когда, как и... опять наша встреча маловероятна». В композиции всего письма зачин любопытен тем, что выполняет сразу несколько задач. Элегический посыл расставания и сожаления о невозможности скорой встречи обращен к адресату письма (Л. Лосеву). Вместе с тем самой структурой предложения (с уточняющим оборотом «именно то, что...») обыгрывается определенный стилистический шаблон, характерный для языка философской публицистики Л. Толстого:

С древнейших времен известны рассуждения о том, отчего происходит жизнь? от невещественного начала или от различных комбинаций материи? И рассуждения эти продолжают до сих пор, так что не предвидится им никакого конца, *именно потому*⁶, что цель всех рассуждений оставлена и рассуждается о жизни независимо от ее цели; и под словом жизнь разумеют уж не жизнь, а то, отчего она происходит, или то, что ей сопутствует⁷.

Споры о том, что не касается жизни, *именно о том*, отчего происходит жизнь: анимизм ли это, витализм ли, или понятие еще особой какой силы, скрыли от людей главный вопрос жизни, — тот вопрос, без которого понятие жизни теряет свой смысл, и привели понемногу людей науки, — тех, которые должны вести других, — в положение человека, который идет и даже очень торопится, но забыл, куда именно⁸.

Скрытая отсылка в письме Ерёмкина к рассуждениям Толстого «О жизни», полагаю, мотивирована вопросом о том, что должно быть предметом воспоминаний о Поэте ([2] «Леша, когда я давал обещание, я надеялся, что смогу что-то сделать, но оказалось, что мне просто нечего рассказать про Бориса Леонидовича»), и найденным решением — говорить о Пастернаке, следуя его же методу «основания и производного, ствола и отводка», принятому им для художественного перевода («Заметки переводчика»⁹). Реминисценции к толстовскому трактату «О жизни» ведут, в свою очередь, к «Охранной грамоте» Пастернака, в первой главе которой (о младенчестве) появляется знак («седина») Толстого — «то же бесконечно важное, что символизировано буквами “гр. Л.Н.” и играет скрытую, но до головоломности прокуренную роль в семье, никакому воплощению не поддается» [Пастернак 1990б: 36], а также к сборнику «Сестра моя — жизнь».

---

6 Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, курсив наш. — Ю.В.

7 Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. Т. 17. М.: Художественная литература, 1984. С. 10.

8 Там же. С. 17.

9 М. Ерёмкин разделял представление Пастернака о том, что «Перевод должен исходить от автора, испытавшего воздействие подлинника задолго до своего труда. Он должен быть плодом подлинника и его историческим следствием» [Пастернак 1990а: 161]. Нельзя исключить, что образцом для его двойного послания о Пастернаке стал первоначальный текст «Охранной грамоты», который «объединил в себе «автобиографическое» прозаическое повествование и перевод одного из двух Реквиемов Рильке» [Флейшман 1980: 192]. По словам Ерёмкина, он начал самостоятельно заниматься переводом в 1955—1956 годы, то есть в те же годы, на которые приходится его первые посещения Б.Л. Полагаю, что импульсом к этому стало открытие роли художественного перевода в связи с переводом Пастернаком «Гамлета» Шекспира и написанием им стихотворения «Гамлет» (стихи из романа «Доктор Живаго»). О гамлетовском тексте в книге 7 Ерёмкина см.: [Валиева 2018].

Обыгрывание Ерёминым узнаваемых риторических ходов Л. Толстого — это типичный для смеховой поэтики «филологической школы» прием, сходный здесь по своей прагматике с использованием повествовательных штампов в текстах Д. Хармса (см.: [Валиева 2005]) и отсылающий к обэриутскому жанру письма (например, письма Хармса к К.В. Пугачевой). Функция его у Ерёмина — снижение пафоса лирического посыла мемуарной части. Этой же цели в значительной мере служит выделенное разрядкой слово «дважды» ([1] «в течение всего двух месяцев я мог *дважды* побывать у вас»). Предполагаю, что речь идет об анекдотическом случае, произошедшем во время поездки Ерёмина в 1989 году в Канаду и США (по приглашению одного из университетов), организованной Л. Лосевым. В беседе со мной 11 апреля 2018 года М.Е. рассказал, что в Канаду, куда он прилетел, за ним приехал на машине Л. Лосев. Они не виделись с 1976 года, когда тот эмигрировал, и за разговорами не заметили, как пересекли границу с США, пришлось «делать петлю» и возвращаться в Канаду, чтобы въехать в Штаты повторно, «официально».

По словам Лосева, Ерёмин «бывал — у Пастернака неоднократно» [Лосев 1991: 277] и дорога в Переделкино была «проторена» именно им. Михаил Федорович пояснял, что Пастернак много для него значил, прежде всего потому, что, как и он, «прошел путь от футуризма к акмеизму». В воспоминаниях участников «филологической школы» «задокументализированы» по крайней мере четыре визита М. Ерёмина к Пастернаку: первый — летом 1955-го (в одиночку); в зимние студенческие каникулы 1956-го (с Л. Виноградовым и Лосевым); в начале ноября 1958-го (с Виноградовым); в июле 1959-го (с В. Уфляндом, В. Прошкиным и Ю. Цветковым).

В миниатюре о Пастернаке Ерёмин не называет дат состоявшихся встреч и не придерживается их хронологии. Детали разновременных событий встроены им в ассоциативный ряд аллюзий и реминисценций к произведениям Пастернака. Текстопорождающим механизмом является нахождение того общего, что их с Пастернаком сближало ([18] «Всегдашняя влюбленность его в Маяковского и тогдашняя моя»).

Обратим внимание на фразу из первого абзаца письма, звучащую этикетным извинением за не осуществленное в полной мере намерение ([2] «То немногое, что сохранилось в памяти, — *это все как бы вне его, около, рядом, снаружи*»). Содержащаяся в ней аллюзия на «Охранную грамоту» (ч. 3, гл. 4) — эмоциональную рефлексию Пастернака о чтении ему Маяковским в Москве, на бульваре, трагедии «Владимир Маяковский», — вводит основанное на мотиве контрадикторности («близость и несходство», «притяжение и преодоление») сопоставление Пастернак — Маяковский:

Немного спустя он [Маяковский] предложил кое-что прочесть.

Зеленели тополя. Суховато серели липы. Выведенные блохами из терпенья, сонные собаки вскакивали на все лапы сразу и, призвав небо в свидетели своего морального бессилья против грубой силы, валились на песок в состоянии негодующей сонливости. Давали горловые свистки паровозы на Брестской дороге, переименованной в Александровскую, и кругом стригли, брили, пекли и жарили, торговали, передвигались — и ничего не ведали.

Это была трагедия «Владимир Маяковский», тогда только что вышедшая. Я слушал, не помня себя, всем перехваченным сердцем, затаив дыханье. Ничего подобного я раньше никогда не слышал.

Здесь было все. Бульвар, собаки, тополя и бабочки. Парикмахеры, булочники, портные и паровозы. Зачем цитировать? Все мы помним этот душный таинственный летний текст, теперь доступный каждому в десятом издании [Пастернак 1990б: 101].

В миниатюре выстраивается параллель: Маяковский в восприятие Пастернака («Здесь было все. <...> И как просто было это все. Искусство называлось трагедией. <...> Трагедия называлась “Владимир Маяковский”. <...> *Заглавье* было не именем сочинителя, а *фамилией содержания*») [Там же: 102]) — Пастернак в восприятии Ерёмкина («это все как бы *вне его*, около, рядом, снаружи») через заданную в «Охранной грамоте» систему координат.

Завершается миниатюра сценой, относящейся к первому посещению Ерёмкиным Пастернака — их совместному скандированию строк Маяковского:

[18] ...наше поочередное через строчку (через ступеньку, через пролет) громкое чтение (выкрикивание) из поэмы (Какой? «Человек»? «Про это»? «Флейта-позвоночник»? — Не помню.) — но в эти годы уже были написаны первые *мои* стихи... [Ерёмкин 1991].

Интересно, что автор миниатюры упоминает здесь поэмы Маяковского, которые ценились в кругу «филологической школы», но не называет (ссылаясь на забывчивость) прочитанного им тогда с Борисом Леонидовичем произведения, хотя Л. Лосев, излагая (со слов Ерёмкина) этот же эпизод в 1978 году в пасхальном номере газеты «Новое русское слово», его процитировал — Пролог из трагедии «Владимир Маяковский»:

Ерёмкин рассказывал, что в первый приход к Пастернаку, летом, он застал Б.Л. на даче одного. Б.Л. посмотрел его стихи, обнаружил в них сходство с ранним Маяковским и стал говорить о своей любви к Маяковскому этого периода. И даже провозжал Мишу до калитки, он еще громко читал, на два голоса с Ерёмкиным: «По небритой щеке площадей стекая ненужной слезой, я, быть может, последний великий поэт...» [Лосев 1978].

В беседе со мной 19 ноября 2016 года М. Ерёмкин подтвердил, что произнесены ими в тот день были строки из «Владимир Маяковский», подчеркивая, что происходило это, когда они «спускались с Пастернаком по ступенькам». Фокусировка и в миниатюре, и в устном рассказе на детали, отсылающей к «лесенке», элементу поэтической техники Маяковского (на определенном этапе близкой и Пастернаку, и Ерёмкину), а также на распределении ролей и направлении движения (Пастернак ведет его к выходу), полагаю, обозначает ситуацию обретения автором, благодаря Пастернаку, своего поэтического голоса ([18] «...в эти годы уже были написаны первые мои стихи»).

Тема творческого взросления выражена у Ерёмкина через реминисценции к стихотворению Пастернака «Определение души» из цикла «Заняты филозофией» («Спелой грушею в бурю слететь / Об одном безраздельном листе...» [Пастернак 2003: 118]) и «Детству Люверс» — образы плодов и цветовую символику «созревания»:

[13] Володя Прошкин, однажды сопровождавший меня и оставшийся на кухне, где наслаждался свежими в январе (полный таз на столе) *помидорами (как сливы — без хлеба и соли)* и расспрашивал домработницу, что «кушает» Пастернак.

В приведенном выше фрагменте мотив передачи творческого импульса обозначен звуковыми повторами, связующими изображения хозяина и его посетителей. В портретной зарисовке Поэта (его позы, выражения лица, жестов [3—7]), использован прием звуковой выразительности:

[4] Узкая улыбка.

[5] Жест сожаления локтем болевшей руки: «Подайте друг другу польта».

[6] Движение бедра, указывающее на сломанную в юности — упал с лошади...

Аллитерации на «ж» — «ш» в контексте заданных в первых строках письма реминисценций, возможно, адресуют к звуковому составу стихотворения из сборника «Сестра моя — жизнь» («Сестра моя — жизнь и сегодня в разливе / Расшиблась весенним дождем обо всех...») [Там же: 106]¹⁰.

В эту экспозиционную рамку у Ерёмина вписаны события более позднего времени, в том числе периода гонений на Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии. Однако переживаемая Пастернаком в связи с этим трагедия, судя по рассматриваемому письму, а также воспоминаниям Л. Виноградова, не была ими воспринята как факт творческий и соответствующий грандиозности личности автора сборника «Сестра моя — жизнь», а сам роман «Доктор Живаго», в отличие от ранней прозы Пастернака, не был ими ценим. Этим объясняется мотив противопоставления внешнего и внутреннего, обозначенный в начале письма и акцентированный в суждении о встрече с Пастернаком в начале ноября 1958 года:

[16] Замечательный (-удивительный) человек и автор замечательных (-прекрасных) стихов не совпали, не соединились и остаются для меня скорей клавиатурой и нотной страницей, чем струной и звуком. Вот ведь и машинопись «Доктора Живаго» (Сколько было машинописных экземпляров?), данную Борисом Леонидовичем нам с Лёней (на все лето), я так и не прочитанной вернул осенью О. И<в>инской.

Миниатюра о Пастернаке написана ритмизованной прозой, напоминающей версе. Отметим интонационную обособленность строк-абзацев и некоторые особенности синтаксиса: использование номинативных предложений (портрет Поэта), инверсий («Бывал я там, пожалуй...», «Неясные не теперь, а тогда образы домочадцев...», «Вот ведь и машинопись... я так и не прочитанной вернул»); параллельных конструкций, двухчастных периодов:

...я надеялся, что смогу, но оказалось...

то немногое — это все как бы...

то восторженно трепетный, то участливо нервный

неясные не теперь, а тогда образы

более озабоченные, чем скорбные...

...скорее клавиатурой и нотной страницей, чем струной и звуком

Ритмизация свойственна не только миниатюре, она проводится во всех частях двойного послания (пример из 2-го письма: «Руины некрополя, заселенные

10 О родственности ранней поэзии Ерёмина поэтике Пастернака см.: [Лосев 1986].

шпаной, жульем, ворьем и психами...»), а задается в первом абзаце (зачине), при прочтении вслух раскладывающимся на 7 «тактов»:

[именно то
что в течение всего двух месяцев
я мог дважды побывать у вас
самое тоскливое теперь
когда, как и год назад
опять наша встреча
маловероятна. Ну да,
как будет].

Публикация полного текста послания поэта поэту о поэте представляет безусловный интерес как в жанрово-стилистическом (опыты Ерёмкина в прозе единичны), так и в историко-литературном отношении.

Письмо приводится по машинописной копии из домашнего архива Ерёмкиных с сохранением орфографии и пунктуации оригинала.

Публикация сопровождается нашим комментарием.

Дорогие Нина и Леша!

[1] Именно то, что в течение всего двух месяцев я мог *дважды* побывать у вас — самое тоскливое теперь, когда, как и год назад, опять наша встреча маловероятна. Ну да, как будет¹¹.

[2] Леша, когда я давал обещание, я надеялся, что смогу что-то сделать, но оказалось, что мне просто нечего рассказать про Бориса Леонидовича. То немногое, что сохранилось в памяти, — это все как бы вне его, около, рядом, снаружи.

[3] Взгляд, обращенный им на собеседника без поворота головы¹².

[4] Узкая улыбка.

[5] Жест сожаления локтем болевшей руки: «Подайте друг другу полта».

[6] Движение бедра, указывающее на сломанную в юности — упал с лошади — кость голени: неспроста вновь стала побаливать.

[7] Недолгие слезы над клавиатурой¹³, одно плечо чуть ниже другого.

---

11 Нумерация строк-абзацев наша. — Ю.В.

12 Реминисценция к образу трюмо из стихотворений Пастернака «Зеркало» и «Девочка». На аллюзиях ко второму из них («Из сада, с качелей, с бухты-баракты / Вбегает ветка в трюмо!» [Пастернак 2003: 108]) построено стихотворение Ерёмкина «Полночно светение бухты-баракты...» (1959) [Ерёмкин 2006: 44].

13 В событийном плане эта строка относится к посещению Ерёмкиным и Виноградовым Пастернака в ноябре 1958 года, спустя несколько дней после «здравницы» «филологической школы» в его поддержку на гранитной набережной Невы, напротив Летнего сада. В изданных воспоминаниях об этой акции состав ее участников разнится: Виноградов, Цветков, Ерёмкин [Виноградов 1991: 285], Виноградов, Уфлянд, Ерёмкин [Уфлянд 1991: 290].

По словам Виноградова, они были в Переделкине в «день опубликования в “Правде” второго письма Бориса Леонидовича», что, согласно датировке в комментарии Л. Лосева, соответствует 6 ноября. Ср.: «И тут я увидел то, что не должен был видеть никогда. Бог плакал. Чтобы скрыть от нас слезы, Борис Леонидович опустил

[8] Дом его, из тех строений, которые некрасивы только потому, что на одно из них ты обратил внимание. Бывал я там, пожалуй, во всякую погоду, но уютным (или теплым) это жилище ощущалось только после вечернего сырого мороза.

[9] Участок для земледельческой гимнастики¹⁴.

[10] Соседнее владение с призраком, кажется, Тренева.

[11] Наш путь в ту, памятную и тебе, зимнюю ночь¹⁵.

[12] Частый соучастник наших встреч — Лёня¹⁶ — то восторженно трепетный, то участливо нервный.

низко голову, спрятавшись за фортепиано, которое перегораживало комнатку как барьер» [Виноградов 1991: 287].

Помимо событийной стороны, в письме Ерёмина обыгрываются лейтмотивы поэзии Пастернака — «музыки» и «плача» (об их значимости и взаимосвязи см., например: [Фатеева 1996]). В домашней библиотеке М. Ерёмина на полке книг, к которым он постоянно обращался, стоит томик Пастернака из «Малой серии» «Библиотеки поэта» [Пастернак 1977], в котором заложена страница вступительной статьи Л.А. Озерова об увлечении Пастернака музыкой Скрябина, с цитатой из поэмы Пастернака «1905 год» («Раздается звонок, / Голоса приближаются: / Скрябин. / О, куда мне бежать / От шагов моего божества!»).

Ироничный эпитет «недолгие» («недолгие слезы») и неожиданное в ряду синонимов определение «соучастник» по отношению к Л. Виноградову [12] создают реминисценции к стихотворению Пастернака «Плачущий сад» («К губам поднесу и прислушаюсь, / Все я ли один на свете, — / Готовый навзрыд при случае, — / Или есть свидетель.»; «Ни признака зги, кроме жутких / Глотков и плескания в шлепанцах / И вздохов и слез в промежутке» [Пастернак 2003: 107]).

- 14 Ср. детали о поездке в Переделкино в июле 1959 года из мемуарного очерка В. Уфлянда «Любовь пространства»: «Минут через пять из закоулка усадьбы в резиновых сапогах вышел с каким-то огородным инструментом очень похожий на портрет себя молодого, не такой уж и пожилой Борис Леонидович Пастернак и сразу признал в Мише старого знакомого» [Уфлянд 1991: 291].

«Земледельческая гимнастика» — возможно, отсылка к поэме Н. Заболоцкого «Торжество земледелия», особо почитаемой в кругу «филологической школы».

- 15 В событийном плане строка «Наш путь в ту, памятную и тебе, зимнюю ночь» относится к поездке М. Ерёмина, Л. Виноградова и Л. Лосева в Переделкино 29 января 1956 года, подробности которой запечатлены в заметках Лосева «Визит к Пастернаку» [Лосев 1978], позднее переработанных в очерк [Лосев 1991]. Однако в описании Лосевым дело происходило днем («Мы шли к нему со станции долго. Было очень солнечно и очень морозно, градусов тридцать» [Лосев 1978: 279]). У Ерёмина пространство миметическое соединено с литературным: аллюзией к названию стихотворения Пастернака «Зимняя ночь» (сб. «Начальная пора»), образы которого («Булки фонарей и пышки крыш, и черным / По белу в снегу — косяк особняка...» [Пастернак 2003: 74]) являются предметом остроумного обыгрывания в 8-й и 10-й строках миниатюры через создание лексического ряда «дом» — «строение» — «жилище» — «владение» и тему «пищевых» предпочтений поэта.

Из других возможных источников мотива «звездной ночи» в [11] назовем стихотворение «Мельницы», глубокий анализ которого дан в книге «Поэзия Бориса Пастернака» В.Н. Альфонсова, научного руководителя М. Ерёмина на заочном отделении ЛГПИ им. А.И. Герцена [Альфонсов 1990: 40–42].

- 16 Виноградов Леонид Аркадьевич (1936–2004) — поэт, участник «филологической школы». М. Ерёминым в соавторстве с Л. Виноградовым, с которым они были знаком со школы, опубликованы: книги для детей «Веселый троллейбус» (1964), «Мчится поезд» (1967), пьесы для драматических, музыкальных и кукольных театров «Слон и Оська» (совм. с В. Уфляндом, 1963), «Слово о полку Игореве» (совм. с К. Мешковым, 1972), «Аэлита» (по мотивам повести А.Н. Толстого, 1976), «Медведзайцы» (совм. с Л. Лосевым, 1981) и другие.

[13] Володя Прошкин¹⁷, однажды сопровождавший меня и оставшийся на кухне, где наслаждался свежими в январе (полный таз на столе) помидорами (как сливы — без хлеба и соли) и расспрашивал домработницу, что «кушает» Пастернак.

[14] Неясные, не теперь, а тогда, образы домочадцев, иногда гостей.

[15] Более озабоченные, чем скорбные лица на похоронах.

[16] Замечательный (-удивительный) человек и автор замечательных (прекрасных) стихов не совпали, не соединились и остаются для меня скорее клавиатурой и нотной страницей, чем струной и звуком. Вот ведь и машинопись «Доктора Живаго» (Сколько было машинописных экземпляров?), данную Борисом Леонидовичем нам с Лёней (на все лето), я так и не прочитанной вернул осенью О. Ильинской¹⁸.

[17] Помнится, быстрый случайный выбор одного из привезенных мной рисунков (быки) и снисходительность к короткой: кому, дата, кто — надписи. Однако внимательность к стихам¹⁹: «Будет куплена новая мебель» — конец категорически указан Пастернаком, отброшено несколько лишних строк²⁰. Спрашивали меня в университете Лос-Анджелеса: как относился Пастернак к моим стихам?

---

17 Имя Владимира Прошкина, наряду с М. Ерёмным и Ю. Цветковым, встречается в воспоминании В. Уфлянда о своем первом посещении Пастернака в июле 1959 года («...Володя Прошкин подпрыгнул над забором и попытался пленить непрístupную женщину неотразимой улыбкой» [Уфлянд 1991: 291]; Борис Леонидович «помогал Володе Прошкину разглядеть <свои> рисунки» [Там же: 292]. В книге «Если Бог пошлет мне читателей...» В. Уфлянд упоминает В. Прошкина в числе студентов театрального института, участвовавших в похождениях их компании [Уфлянд 1999: 197, 257].

18 Ср.: «Виноградов и Ерёмин еще навещали Пастернака в тяжелые дни послероманских гонений. Он принимал их тепло. Отдал им экземпляр «Доктора Живаго» (зарубежное издание) со своими пометками (после смерти Б.Л. они сочли долгом вернуть эту книгу О.В. Ивинской)» [Лосев 2010: 142]. Имеется в виду поэт, прозаик, переводчик, мемуарист Ивинская Ольга Всеволодовна (1912—1995). Возможно, опечатка в написании фамилии сделана в письме намеренно из соображения осторожности. Ср. аналогичный прием: [23].

19 В устных воспоминаниях М. Ерёмкина 19 ноября 2016 года, при которых мне довелось присутствовать, этот эпизод был им акцентирован по-другому: стихи его тогда Пастернак не оценил, картину — взял. Ерёмин пояснил, что в поэзии он тогда еще не был «он», то есть не обрел свою форму.

20 Стихотворение М. Ерёмкина «Будет куплена новая мебель» было включено в следующие издания: самиздатскую антологию «УВЕК» (1977) (републикованную в сборнике ««филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография» [Ерёмин 2006: 40]); Антологию новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны» [Ерёмин 1980: 215] и две его первые книги стихов — изданную в США [Ерёмин 1986: 27—28] и вышедшую на родине [Ерёмин 1991: 25—26].

Во всех этих изданиях стихотворение датировано 1958 годом и представляет собой 35-строчную драматизированную миниатюру, что с точки зрения жанра и формы еще не соответствует выработанной поэтом форме 8-стишия, которой он придерживался в зрелом творчестве. Текстологически отличается только публикация в антологии «У Голубой Лагуны», расходящаяся с остальными одним единственным словом («недоступно» вместо «неподвластно») в предпоследней реплике Мужчины:

Старю и уже не помню чья походка.

Единственное,

Что *недоступно* (Курсив наш. — Ю.В.) смерти.

Единственное вечное — походка [Ерёмин 1980: 215].

[18] Всегдашняя влюбленность его в Маяковского и тогдашняя моя: наше поочередное через строчку (через ступеньку, через пролет) громкое чтение (выкрикивание) из поэмы (Какой? «Человек»? «Про это»? «Флейта-позвоночник»? — Не помню.) — но в эти годы уже были написаны первые мои стихи, которые, ну, хотя бы декламировать вдвоем сложно, несмотря на «двух- и трехголосие» многих. Словом, Борис Леонидович предугадал, как будет: считанные любят мои стихи, и уважительнохолодно²¹ к тому, что я делаю, относится большинство моих немногочисленных читателей.

[19] Но ведь все это не про Бориса Леонидовича, а про себя²².

[20] Пишу так длинно с надеждой оправдаться. Может быть, хоть несколько меня извинит то, что хоть чем-то смогу быть полезен Лёне — он пишет «Воспоминания», готовится к докладу.

[21] Теперь, Леша, совсем о другом. Есть такая организация здесь: ЦЭНДИСИ, ныне при Академии наук СССР, в ближайшем будущем просто ЦЭНДИСИ СССР²³. Это нечто мощное, богатейшее и, похоже, весьма осторожное в смысле советского жульничества. Так вот, люди достойные — разумные, честные, деловые, решаюсь сказать, благородные — создали издательство под «крышей» ЦЭНДИСИ при ассоциации «Милосердие и культура».

[22] Возглавлять одну из редколлегий предложено А. Чанцеву²⁴, А. Морозову²⁵ (Может быть, ты их помнишь?), мне и, если согласишься, тебе.

[23] Предполагается, не чураясь современной политлитературы, к примеру, выпуски (не периодические) статей и выступлений участников «Московской трибуны» и прочих всяческих демократов, издавать старое русское малоизвестное, но интересное и для широкой публики, с квалифицированными пред- и послесловиями, комментариями, историческими справками и т.д. Скажем, сборники прозы 1905 года, или эгофутуристы, или авторские сборники: «Стихи Савенкова»²⁶ и пр. Возможно, и современные авторы. И разумеется, эмигранты. Все это, конечно, еще только обсуждается.

На основе авторизованной машинописи из архива А.А. Александрова, в которой черной ручкой произведена правка (над зачеркнутым «недоступно» надписано «неподвластно»), можно сказать, что в антологии «У Голубой Лагуны» дана более ранняя редакция.

Первоначальный вариант, который бы отличался от опубликованных финалом и количеством строк, нам обнаружить не удалось.

Нельзя исключить, что этот эпизод [12] относится не к 1955-му, а к 1958 году, и произошел он после персональной домашней выставки Ерёмина, состоявшейся в декабре 1957-го, на которой, возможно, выставлялась подаренная Пастернаку картина.

21 Слово написано слитно.

22 В статье Л. Лосева «29 января 1956 года» процитирован фрагмент из этого письма М. Ерёмина, от предложения «То немного, что сохранилось в памяти...» до этого предложения включительно [Лосев 1991: 277–278; 2010: 141–143].

23 Центр научно-технической деятельности, исследований и социальных инициатив при Президиуме Академии наук СССР. С 1991 года — ЦЭНДИСИ СССР.

24 Чанцев Алексей Васильевич (1946–2001) — литературовед, историк. Автор многих статей биографического словаря «Русские писатели 1800–1917», научный консультант этого издания.

25 Морозов Александр Анатольевич (1932–2008) — филолог. Специалист по творчеству О. Мандельштама, публикатор стихов В. Шаламова.

26 Имеется в виду политический деятель и литератор Борис Викторович Савинков (1879–1925). Скорее всего, замена буквы в фамилии сделана автором письма намеренно из соображений осторожности, так же, как в [16]. Отдельные произведения Б. Савинкова уже были к этому времени републикованы.

[24] Игорь Ефимов²⁷ хотел бы, как я понял, сотрудничать с советскими. Я посылаю ему письмо издателей с их предложениями, и свое — с напоминанием о нашем с ним разговоре и с перепечаткой вышеизложенного.

[25] Леша, мне кажется, это достаточно серьезно. Кстати, твоя, та, что объявлена у Ефимова, антология могла бы стать одним из первых совместных изданий.

[26] Если ты сочтешь для себя возможным принять в этом участие, войти в редколлегию, сообщи мне, пожалуйста, побыстрее. Письмом. Звонком. Может быть, уже с какими-то своими предложениями. Кроме того, пересылая — о чем я прошу тебя — Ефимову мое письмо (в том же конверте обращение издателей к нему — прочти), сопроводи его, пожалуйста, короткой запиской о своем отношении ко всему этому.

[27] Леша, скоро день твоего рождения²⁸ — дай Бог, чтобы все у вас было хорошо.

Целую Нину и тебя,
ваш.

Здравствуйте, дорогие Нина и Леша!

27.5.91²⁹

[1] Трудно писать письмо: что рассказать про себя? — нет заработков (Спасибо тебе за пожертвования.), нет лекарств, нет надежд, нет иллюзий. Впрочем, ничего этого никогда и не было. Но были силы. А теперь доживаю, выполняя только житейские необходимые действия. Забот невпроворот. Ирина Михайловна³⁰ по-прежнему, седьмой год неходячая, не оставить и на день. Сложности с Мариком³¹. Обустройство. Вообще, возвращение в Ленинград (Руины некрополя, заселенные шпаной, жульем, ворьем и психами. И поют куплеты про СубЧКа.) таки доканает меня.

[2] Твой и, кажется, Осин³² редактор — чтоб у него нос на лбу вырос! так и не вернул мне твоего «Тайного советника»³³. Очень жаль.

[3] Леша, вдруг узнаешь что про какую-нибудь американскую группу реставраторов или самостоятельную, или при каком-нибудь Фонде центре, музее

---

27 Ефимов Игорь Маркович (1937—2000) — прозаик, философ, публицист, издатель. Участник ленинградской группы «Горожане». В 1978 году эмигрировал в США. Основатель американского издательства «Эрмитаж» (1981), в котором в 1986 году вышла первая поэтическая книга М. Ерёмкина «Стихотворения».

28 День рождения Л. Лосева — 15 июня.

29 В дате цифры месяца и года плохо пропечатались.

30 Ерёмкина Ирина Михайловна (урожд. Торопова, 1913—1993) — мать Михаила Ерёмкина. В 1931—1936 годах обучалась на архитектурном факультете Ленинградского института коммунального строительства (ЛИИКС). В послевоенное время преподавала рисование в школах Ленинграда.

31 Марик — домашнее имя дочери М. Ерёмкина и И.Д. Смирновой — Маши.

32 Ося — поэт Иосиф Александрович Бродский.

33 Речь идет о вышедшей в США, в издательстве И. Ефимова «Эрмитаж» книге стихов Л. Лосева «Тайный советник». См.: [Лосев 1988].

частном, университетском или любом другом — сообщите мне, пожалуйста. Это могло бы хоть как-то изменить нашу жизнь.

[4] Речь идет о весьма редкой реставрации — одежды (ткань, кожа)³⁴, но, похоже, как я уже говорил, интерес в мире к этому растет.

[5] Дорогой Леша, поздравляем тебя с днем рождения.

[6] Посылаемое тебе мы с Алешей³⁵ частично нашли на барахолке — б. Октябрьский колхозный рынок³⁶.

Целую всех вас.

Ваш.

Библиография / References

- [Альфонсов 1990] — *Альфонсов В.* Поэзия Бориса Пастернака. Л.: Советский писатель, 1990.
- (*Al'fonsov V. Poeziya Borisa Pasternaka.* Leningrad, 1990.)
- [Валиева 2005] — *Валиева Ю.* Даниил Хармс: Вопросы прагматики // Столетие Даниила Хармса. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Даниила Хармса / Научн. ред. А. Кобринский. СПб.: ИПЦ СПГУТД, 2005. С. 18—26.
- (*Valieva Yu. Daniil Kharms: Voprosy pragmatiki // Stoletie Daniila Kharmsa. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya Daniila Kharmsa / Sci. ed. by A. Kobrinskiy.* SPb.: Saint Petersburg, 2005. P. 18—26.)
- [Валиева 2018] — *Валиева Ю.* «...Ни белая акация, ни красные гвоздики» (Рец. на кн.: Ерёмин М. Стихотворения. Кн. 7. СПб., 2017) // Новое литературное обозрение. 2018. № 150. С. 290—295.
- (*Valieva Yu. "...Ni belaya akatsiya, ni krasnye гвоздики" (Rets. na kn.: Eryomin M. Stikhotvoreniya. Kn. 7. Saint Petersburg, 2017) // Novoe literaturnoe obozrenie.* 2018. No. 150. P. 290—295.)
- [Виноградов 1991] — *Виноградов Л.* «Да здравствует Пастернак!» // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 1: Борис Пастернак. 1890—1990. Норвичский симпозиум / Под ред. Л. Лосева. Нортфилд, Вермонт: Русская школа Норвичского ун-та, 1991. С. 284—289.
- (*Vinogradov L. "Da zdravstvuet Pasternak!" // Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. 1: Boris Pasternak (1890—1990) / Ed. by L. Loseff.* Northfield, VT, 1991. P. 284—289.)
- [Ерёмин 1980] — *Ерёмин М.* [Стихи] // Антология новейшей русской поэзии «У Голубой Лагуны»: В 5 т. / Сост. К.К. Кузьминский, Г.Л. Ковалев. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1980. Т. 1. С. 209—221.
- (*Eryomin M. [Stikhi] // Antologiya noveyshey ruskoj poezii "U Goluboy Laguny": In 5 vols. / Comp. by K.K. Kuz'minskij, G.L. Kovalev.* Newtonville, Mass., 1980. Vol. 1. P. 209—221.)
- [Ерёмин 1986] — *Ерёмин М.* Стихотворения. Тенафли; Нью-Йорк: Эрмитаж, 1986.
- (*Eryomin M. Stikhotvoreniya. Tenafly; New York, 1986.*)
- [Ерёмин 1991] — *Ерёмин М.* Стихотворения. М.: [Б.и.], 1991.

34 Реставрация по тканям — профессия второй жены М. Ерёмина, И.Д. Смирновой. Подробнее об этой стороне их совместной творческой жизни см. интервью с И.Д. Смирновой: «Вы меня ни с кем не перепутаете, у меня в руке трость». Интервью Ю. Валиевой с И.Д. Смирновой // Ex Libris. 2023. 5 июля (http://www.ng.ru/ng_exlibris/2023-07-05/10_1181_smirnova.html (дата обращения: 07.07.2023)).

35 Алексей — сын М. Ерёмина от первого брака.

36 Обыгрывается новый контекст слова «бывший», в советское время употреблявшегося при обозначении переименованных дореволюционных реалий. Речь идет о Сенном рынке, которому было возвращено его историческое название. По воспоминанию Алексея Ерёмина, они с отцом приобрели там подсвечник.

- (*Yeryomin M. Stikhotvoreniya. Moscow, 1991.*)
 [Ерёмин 2006] — *Ерёмин М.* [Стихи] // «Филологическая школа». Тексты. Воспоминания. Библиография. М.: Летний сад, 2006. С. 37—52.
- (*Yeryomin M. [Stikhi] // "Filologicheskaya shkola". Teksty. Vospominaniya. Bibliografiya. Moscow, 2006. P. 37—52.*)
- [Лосев 1978] — *Лосев А.* Визит к Пастернаку // Новое русское слово. 1978. 30 апреля. Vol. LXVIII. С. 5.
- (*Losev A. Vizit k Pasternaku // Novee russkoe slovo. 1978. April 30. Vol. LXVIII. P. 5.*)
- [Лосев 1986] — *Лосев Л.* Жизнь как метафора // Ерёмин М. Стихотворения. Тенафл; New York: Эрмитаж; 1986. С.137—150.
- (*Loseff L. Zhizn' kak metafora // Yeryomin M. Stikhotvoreniya. Tenafl; New York, 1986. P. 137—150.*)
- [Лосев 1988] — *Лосев Л.В.* Тайный советник: Стихотворения. Тенафл, N.J.: Hermitage, 1988.
- (*Loseff L.V. Tainnyu sovetnik: Stikhotvoreniya. Tenafl, N.J., 1988.*)
- [Лосев 1991] — *Лосев Л.* 29 января 1956 года // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 1: Борис Пастернак. 1890—1990. Норвичский симпозиум / Под ред. Л. Лосева. Нортфилд, Вермонт: Русская школа Норвичского ун-та, 1991. С. 276—283.
- (*Losev L. 29 yanvarya 1956 goda // Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. 1: Boris Pasternak (1890—1990) / Ed. by L. Loseff. Northfield, VT, 1991. P. 276—283.*)
- [Лосев 2010] — *Лосев Л. В.* 29 января 1956 года // Лосев Л.В. Солженицын и Бродский как соседи. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2010. С. 140—149.
- (*Loseff L.V. 29 yanvarya 1956 goda // Losev L.V. Solzhenitsyn i Brodskiy kak sosedi. Saint Petersburg, 2010. P. 140—149.*)
- [Пастернак 1977] — *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. Л.А. Озерова. Л.: Советский писатель, 1977.
- (*Pasternak B. Stikhotvoreniya i poemu / Introd. art., comp., prep. and notes by L.A. Ozerov. Leningrad, 1977.*)
- [Пастернак 1990а] — *Пастернак Б.* Заметки переводчика // Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Сост. и примеч. Е.Б. и Е.В. Пастернак; вступ. ст. В.Ф. Асмуса. М.: Искусство, 1990. С. 160—162.
- (*Pasternak B. Zаметki perevodchika // Pasternak B. Ob iskusstve. "Okhrannaya gramota" i zametki o khudozhestvennom tvorchestve / Comp. and notes by E.B. and E.V. Pasternak; introd. art. by V.F. Asmus. Moscow, 1990. P. 160—162.*)
- [Пастернак 1990б] — *Пастернак Б.* Охранная грамота // Пастернак Б. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве / Сост. и примеч. Е.Б. и Е.В. Пастернак; вступ. ст. В.Ф. Асмуса. М.: Искусство, 1990. С. 36—120.
- (*Pasternak B. Okhrannaya gramota // Pasternak B. Ob iskusstve. "Okhrannaya gramota" i zametki o khudozhestvennom tvorchestve / Comp. and notes by E.B. and E.V. Pasternak; introd. art. by V.F. Asmus. Moscow, 1990. P. 36—120.*)
- [Пастернак 2003] — *Пастернак Б.* Полное собрание стихотворений и поэм / Вступ. ст. В.Н. Альфонсова; сост., подгот. текста, примеч. Е.В. Пастернак и В.С. Баевского. СПб.: Академический проект, 2003.
- (*Pasternak B. Polnoe sobranie stikhotvoreniy i poem / Introd. art. by V.N. Alfonsov; comp., prep. and notes by E.V. Pasternak and V.S. Baevsky. Saint Petersburg, 2003.*)
- [Уфлянд 1991] — *Уфлянд В.* Любовь пространства // Норвичские симпозиумы по русской литературе и культуре. Т. 1: Борис Пастернак. 1890—1990. Норвичский симпозиум / Под ред. Л. Лосева. Нортфилд, Вермонт: Русская школа Норвичского ун-та, 1991. С. 290—295.
- (*Uflyand V. Lyubov' prostranstva // Norwich Symposia on Russian Literature and Culture. Vol. 1: Boris Pasternak (1890—1990) / Ed. by L. Loseff. Northfield, Vermont, 1991. P. 290—295.*)
- [Уфлянд 1999] — *Уфлянд В.И.* «Если Бог пошлет мне читателей...» СПб.: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999.
- (*Uflyand V.I. «Esli Bog poshlet mne chitatelej...» Saint Petersburg, 1999.*)
- [Фатеева 1996] — *Фатеева Н.А.* «Когда ручьи поют романс» «почти словами человека» // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В.П. Григорьева / Ред. З.Ю. Петрова, Н.А. Фатеева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 170—189.
- (*Fateeva N.A. "Kogda ruch'i poyut romans" "pochti slovami cheloveka" // Yazyk kak tvorchestvo. Sbornik statey k 70-letiyu V.P. Grigor'eva / Ed. by Z.Yu. Petrova, N.A. Fateeva. Moscow, 1996. P. 170—189.*)
- [Флейшман 1980] — *Флейшман Л.* Борис Пастернак в двадцатые годы. München: Wilhelm Fink Verlag, 1980.
- (*Fleishman L. Boris Pasternak in the Twenties. München, 1980.*)